

УДК 185.9

DOI:

«МИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ» КАК ФОРМА ФОЛЬКЛОРНОГО ТВОРЧЕСТВА

Найдыш Вячеслав Михайлович

Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)

Аннотация

Экзистенциальные основания мистического опыта могут быть прояснены с позиций теории деятельности, в свете которой такой опыт предстает как форма мотивационной активности субъекта. Ее истоком является потребность субъекта в немедленной гармонизации своих отношений с природной и социальной средой, снятии отчуждения от мира. Такая потребность порождается взаимодействием различных объективных и субъективных факторов – социально-культурных, личностно-психологических, психиатрических, гендерных, воздействием нейростимуляторов и др. Мотивационная природа мистического опыта объясняет такие его черты как волевая интенциональность, импровизационный характер, отсутствие однозначных интерпретаций, творческий, обновленческий потенциал (в границах чувственно-эмоционального переживания мира субъектом) и др.

В истории культуры мистический опыт возникает в результате жанровой дифференциации фольклора на границе с религиозным сознанием. Мистический опыт это «превращенная» форма фольклорного творчества. Все характерные черты фольклорного сознания (имагинарная наглядная образность, не имеющая однозначной интерпретации; импровизационность; доминирование ценностного отношения к миру над когнитивным и др.) в полной мере присущи и мистическому опыту. Такой опыт принципиально ограничен рамками обыденного сознания, которое не способно заменить научно-теоретическое мышление.

Ключевые слова: мифология; мистика; знание; ценности; опыт; мотивация; фольклор; потребности

"MYSTICAL EXPERIENCE" AS A FORM OF FOLKLORE CREATIVITY

Naidysh Vyacheslav Mikhailovich

RUDN University
(Moscow, Russia)

Abstract

Existentially, the foundations of mystical experience can be clarified from the standpoint of the theory of activity, in the light of which such an experience appears as a form of motivational activity of the subject. Its source is the subject's need for immediate harmonization of his relations with the natural and social environment, the removal of alienation from the world. Such a need is generated by the interaction of various objective and subjective factors - socio-cultural, personality-psychological, psychiatric, gender, the influence of neurostimulators, etc. The motivational nature of mystical experience explains its features such as volitional intentionality, improvisational character, lack of unambiguous interpretations, creative, renewal potential (within the boundaries of the sensory-emotional experience of the world by the subject), etc.

In the history of culture, mystical experience arises as a result of genre differentiation of folklore on the border with religious consciousness. Mystical experience is a "transformed" form of

folklore creativity. All the characteristic features of folklore consciousness (imaginative visual imagery that does not have an unambiguous interpretation; improvisationality; dominance of value attitude to the world over cognitive, etc.) are fully inherent in mystical experience. Such an experience is fundamentally limited by the framework of everyday consciousness, which cannot replace scientific and theoretical thinking.

Keywords: mythology; mysticism; knowledge; values; experience; motivation; folklore; needs

Введение

Конец XX в. – начало XXI в. – время глубинных трансформаций духовной культуры, включающих в себя возрождение ее архаических пластов. Казалось бы, давно исчезнувшие с горизонта культуры языческие суеверия, мистические практики, магия, спиритизм, колдовство и др., вновь вошли в нашу повседневность, стали ее неотъемлемым элементом. Такое возрождение мифологии и мистики не является уникальным явлением. Эпоха Модерна пережила несколько волн мистеризации культуры. Так, во второй половине XVIII в. возродились и обрели «второе дыхание» традиции ренессансного эзотеризма, подготовившие рождение романтизма с его пантеистическим мистицизмом. В это время общеевропейские масштабы приобрели не только учения мистической теософии (Swedenborg E; Pasqualy M. de.; Saint-Martin L.Cl. de. и др.), масонство (Pordage J.; Kirchweger A.J; Naugwits Сb. А.Н. К von и др.), но и шарлатанство от мистики – граф Сен- Жермен, Ж. Бальзамо (граф Калиостро) и много других мистификаторов и фокусников, имена которых до нас не дошли.

Вторая волна мистики и оккультизма накатилась на европейскую культуру на рубеже XIX – XX вв. Она оказалась столь мощной, что современники ее оценивали как «второе рождение» мистицизма. Мистицизму удалось обобщить опыт своего противостояния рационализму Просвещения и сформировать установку на создание десакрализованной, внеконфессиональной, вневероисповедной мистики, объединяющей принципы мистического интуитивизма и философского рационализма. Среди них теософия [Blavatsky1888], антропософия [Steiner 1922]; эзотеризм розенкрейцеров, сближавший мистицизм с христианством [Hendel1909]; мистицизм как «четвертый путь» духа [Гурджиев]; объединяющая западный и восточный мистицизм «живая этика» [Rerih E., Rerih N. 1929]; «космическое сознание» [Bucke 1901] как синтез мистицизма и теории эволюции; а также синтезы мистицизма и витализма, мистицизма и «творческой эволюции» А. Бергсона и др.

К рубежу XX–XXI вв. мистицизм все в большей мере приобретает черты трансрелигиозной секулярной духовной традиции с двойственной нацеленностью. С одной стороны, новейший мистицизм ориентируется на воспроизводство «измененных состояний сознания», которые могут быть спонтанными (порождаемыми произвольными «пограничными ситуациями») или индуцируемыми (факторами, стимулирующими активность организма – гипноз, наркотические, галлюциногенные средства, ритуально-обрядовые действия и др.). Поскольку измененные состояния сознания тесно связаны с бессознательными функционалами психики, то на этом пути мистицизм сближается с трансперсональной психологией, которая, используя опыт индейских практик регулирования состояний сознания [Кастанеда 2021], пытается управлять миром переживаний с помощью галлюциногенов (диэтиламида лизергиновой кислоты, ЛСД и дипропилтриптамина, ДПТ и др.) [Гроф 1994]. С другой стороны,

современный мистицизм нацелен на прикладную сферу, разработку психокультов. Среди них – буквально навязываемая «на каждом углу» дианетика, на которой базируются саентологические секты; трансцендентальная медитация, опирающаяся на йогу (т.е. совокупность психических практик, нацеленных на управление физиологическими и психическими состояниями организма); деструктивные психокульты сатанинских сект; и др.

В этих условиях закономерно возрастание философского интереса к осмыслению оснований мистицизма, его роли и места в культурно-историческом процессе. Ключевой вопрос данной проблематики – какие черты духовной культуры обеспечивают не только воспроизводство традиционных форм мистицизма, но и зарождение новых его форм? Что представляют собой культурно-творческие основания мистицизма? В каких функционалах сознания мистицизм черпает творческие импульсы для своего периодического обновления? Попробуем прояснить эти вопросы, исходя из того, что ядром мистицизма выступает «мистический опыт».

Основные подходы к интерпретации природы мистического опыта

История культуры полна «откровений» «избранных» («посвященных») личностей о пережитом мистическом опыте, который трактуется как особое состояние их сознания, возникающее в тот момент, когда они вступили в непосредственное взаимодействие с «потусторонней реальностью». Такие «откровения» обычно содержат и авторские интерпретации мистического опыта, в которых он трактуется как «выход» сознания в надындивидуальную, трансперсональную духовность, момент преодоления антагонизма субъекта и объекта, «растворения» человеческого в божественном и т. д. Мистический опыт, как правило, сопровождается обрядово-ритуальными действиями. Это магические, аскетические, очистительные практики, инициации, медитация, ритмические танцы, музыка, пение и др., которые могут стимулироваться нейроактивными препаратами - наркотики, галлюциногены, алкоголь и др.

Согласно «откровениям», мистический опыт концентрирует и актуализирует все «сущностные силы» человека, сопровождается богатейшей гаммой эмоциональных переживаний, порождает токи высокой духовной напряженности, задевает глубинные чувственные струны. Он наполняет внутренний мир личности тревогой, страхом, и в тоже время увлекает и завораживает человека. Такой опыт индивидуален, уникален, трудно поддается обобщению в категориях мышления и выражению средствами языка. Особый интерес всегда вызывали его кульминационные моменты – «просветленное сознание», «внутреннее озарение», транс, экстаз и др., насыщенные особым энергетизмом, волевой мощью, самозабвением, перерастающим в исступление, восторг и др. Такие моменты обычно сопровождаются психофизическими проявлениями – учащением или угнетением дыхания и кровообращения, иногда анестезией, истерией и др., что сближает их с психопатологиями. В «откровениях» кульминации обычно интерпретируются как свидетельства результативности («внезапный свет») взаимодействия субъекта с потусторонней реальностью (существующей вне пространства, времени и причинно-следственных связей).

Сущность мистического опыта всегда вызывала повышенный интерес, оказывалась предметом анализа и осмысления с позиций самых различных парадигм – теологических, философских, художественно-эстетических (литературные, изобразительные, драматические, например, в форме античных и

средневековых мистерий), конкретно-научных и др. Вместе с тем, на этом проблемном «поле» остается немало «белых пятен». В частности, нет понимания всеобщих условий генезиса и воспроизводства мистического опыта, его онтологических оснований и др.

В решении этих вопросов сложилось несколько исследовательских программ [Стобер 2017]. Основные среди них – конструктивизм и эссенциализм. Конструктивизм исходит из существования «смыслового зазора» между переживаниями мистического опыта и их авторской интерпретацией. При этом, отмечается, что такие интерпретации представляют собой «мозаику» из наглядных образов личного опыта, круга усвоенных мистиком мировоззренческих, идеологических представлений, экзистенциальных (в том числе сиюминутных, случайных) ожиданий и настроений и др. Из этого, по мнению конструктивизма, следует, что представления об особых закономерностях мистического опыта порождены не самим опытом, а текстами, в которых он описывается. Но любой текст это «семантическое событие», которое существенно отличается от его онтологического коррелята. Поэтому реконструкции мистического опыта на основе «откровений», т.е. письменных источников, нужно оценивать как иллюзии нашего сознания («пустые концепты»), которым не соответствуют никакие онтологические референты [Penner 1983; Katz 1978]. Общий вывод конструктивизма – мистический опыт принципиально ничем не отличается от любого другого индивидуального опыта.

Эссенциализм занимает противоположную позицию. Он исходит из специфичности мистического опыта, проявляющейся в его закономерностях. за которыми скрывается его особая онтологическая основа. Среди таких закономерностей – интуитивность, кратковременность, бездеятельность воли, невыразимость, потеря ощущения пространства и времени; парадоксальность, блаженство, покой; чувства святости, сакральности, божественности, самости; внутренняя просветленность, неразделенность в переживании субъективного и объективного моментов, чувство самообновления, духовной терапии и др. [Stace 1961]. В чем же усматривается онтологическая основа мистического опыта? Иначе говоря, куда «приводит» «избранную» личность мистический опыт? Однозначных ответов в эссенциализме на эти вопросы нет. Доминирует точка зрения, что таким основанием является сверхъестественная, трансцендентная, «потусторонняя» реальность, существование которой обычно обосновывается присущей «избранным» личностям «жажде общения» с ней («сердце к сердцу говорит») [Андерхилл 2000: 34].

Понятие внутреннего опыта

В эссенциализме мистический опыт по сути отождествляется с внутренним опытом, который трактуется как возможность через переживание «внутреннего Я» не только получить знание («гносис») о лежащем за границами ощущений «предельном Бытии», но и воздействовать на него, «обретать» его («праксис»). Следует подчеркнуть, что внутренний опыт – не иллюзия, и не продукт «нездорового» воображения мистиков. Внутренний опыт, безусловно, существует и принципиально отличается от «внешнего опыта» (т. е. прямого, непосредственного взаимодействия субъекта с объектом посредством органов чувств, на основе которого субъект получает знание «чувственной реальности»). Вместе с тем, в философии и психологии так и не сложилось общепризнанного понимания сущности внутреннего опыта. Все еще «непонятно, какие органы

чувств может использовать субъект, испытывающий свой «внутренний опыт». И кто в этом случае выступает как субъект?» [Лекторский 2001: 134]]. Это создает почву для мистических, спиритуалистических, интуитивистских интерпретаций внутреннего опыта, в которых он трактуется как средство постижения глубин бытия через психический мир (сознание, бессознательное и др.) человека.

На наш взгляд, внутренний опыт может быть определен как одна из форм накопления индивидуального опыта, который имеет эволюционные корни в психике животных, в процессах научения. На их основе формируются индивидуальные программы поведения организма. Это позволяет сделать вывод, что онтологические основания мистического опыта коренятся в структурно-функциональных особенностях биологических и психических процессов. Поэтому оказались возможными биологические и психологические концепции мистицизма, характерные для его современных вневероисповедных и трансрелигиозных форм. Они базируются на достоверных эмпирических данных о зависимости мистического опыта от состояния нервной системы, ее нормы или патологии, состояния иерархически организованной, многоуровневой сферы бессознательного [Джеймс 1993: 321–322], от разного рода стимуляторов (медицинских, фармакологических, психоделических и др.) и др. [Страссман 2011; Хаксли 2016; Смит 2006].

Внутренний опыт – важное звено в системе экзистенциальных оснований мистического опыта, которые проясняются через анализ роли потребностно-мотивационной сферы сознания (состояния которой выражается ее ценностно-смысловыми установками и эмоциональными переживаниями) в жизнедеятельности личности. Внутренний опыт приобретает характер мистического опыта, когда возникает потребность в немедленном, сиюминутном удовлетворении потребности субъекта в гармонизации своих отношений с миром, в снятии отчуждения от мира, придании базовых смыслов существованию своего Я. В формировании такой потребности важную роль играют социально-культурные, властно-идеологические, личностно-психологические, медицинские, психиатрические (в том числе нормы или патологии психики), гендерные факторы, воздействие нейростимуляторов и др.

Любая потребность ищет и так или иначе находит (в силу сосредоточенного в потребностно-мотивационной сфере избытка активности) способы своего удовлетворения. В полной мере это относится и к потребности «приблизить» будущее, «растворить» его в сиюминутной, жизненно-бытийной повседневности. Иллюзорным способом реализации такой потребности и выступает мистический опыт. С его помощью субъект стремится преодолеть разрыв между сакральным и профанным мирами, между физическим временем и его личностными «измерениями». Отсюда – глубокая и яркая характеристика мистики как воплощения «великого безрассудства надежды» [Малиновский 1998: 90].

Историческое становление мистического опыта

В историческом становлении мистического опыта могут быть выделены два этапа. Первый – формирование в сознании первобытной родовой общины чувства *зависимости* от сакрального мира, власти сакрального над человеком [Кайуа 2003]. В таком сознании мир выглядел страшным, ужасным, но он не увлекал человека возможностью своего «освоения», не «затягивал» человека в себя. Здесь еще нет мистики как иллюзорной формы «освоения» сакрального. Первобытная магия – это «протомистический опыт», обрядово-ритуальная составляющая мифотворчества,

не разделявшего объект и его образ в сознании субъекта, допускавшего возможность заменить действия над реальным объектом манипуляциями над его образами (в виде духов, предков, тотемов и др.) [Найдыш 2017; Найдыш 2019]. Как отмечал К. Леви-Строс, сущность первобытной магии состоит не в *очеловечивании* природных явлений, а «в *натурализации человеческих действий*, то есть в таком отношении к определенным человеческим действиям, как если бы они были интегральной частью физического детерминизма» [Леви-Строс 1994: 287]. Для преобразования первобытной магии в собственно мистический опыт должны бытии сформироваться еще два условия - представление о сверхъестественности сакрального мира и установка на волевое преодоление зависимости от него.

Такие условия сложились в результате неолитической революции, когда переход от присваивающей к производящей экономике поднял человека на уровень активно-деятельного отношения к миру, творческой силы, сознательно созидающей мир культуры [Найдыш и др. 2020]. Сознание приобрело активно-конструирующий характер; способность формировать образ будущего, различать феноменальный и сущностный уровни реальности, наделять сущностный уровень (сакральное) чертами сверхъестественности. А установка на активное «освоение» сакрального мира сформировалась в ходе дифференциации потребностно-мотивационной сферы, выделения потребностей, мотивов и целей в относительно самостоятельные структуры сознания, выполняющие разные роли на разных этапах деятельности. В основе мистического опыта – мотивационная активность субъекта. Она придает мистическому опыту такие его специфические черты, как игровой характер, импровизационность, отсутствие однозначных интерпретаций, обновленческий, творческий потенциал (в границах чувственно-эмоционального переживания мира субъектом), на который обращал внимание В.С. Соловьев [Соловьев 1988: 152].

Фольклорные корни мистического опыта

Первобытный миф синкретичен; в нем «сплавлены» три «сущностные силы» – обобщенное представление, повествование, обрядово-ритуальный момент. Как повествовательные, так и обрядово-ритуальные, игровые его формы (миф «вытанцовывался», «распевался»), требовали импровизации, концентрации чувственно-эмоциональных переживаний, иногда вплоть до состояний аффекта, исступления. Все «сущностные силы» мифа нашли свое продолжение в фольклорно-эпическом творчестве. Почти у всех народов мира отмечено наличие фольклорных игр и празднеств, сюжетной основой которых выступали драматические мифы о смерти и воскресении, страстях богов, о ежегодном возрождении природы и др. Насыщенные импровизациями, карнавальными шествиями, танцами, маски добрых и злых духов, даже оргии и ритуальные инсценировки - демонстрировали господство сакрального над профанным, организованных сил Космоса над силами Хаоса. Эмоциональная насыщенность мировосприятия, художественность коллективных обрядово-ритуальных действий – культурная почва для возникновения различных видов искусства (театра, хореографии, музыки, циркового искусства и др.) и форм религиозно-мистического миропонимания. (В истории древнегреческой культуры условный рубеж в трансформации мифа в фольклорное сознание – середина II тыс. до н.э., эпоха микенской цивилизации).

В фольклоре субъект уже противопоставляет объект и его образ в своем сознании; сакральный мир осознается как сверхъестественная реальность (хотя

еще допускаются переходы между сакральным и профанным мирами); смысл образа доминирует над его содержанием (поэтому фольклорное творчество пронизано морализаторством) и др. Вместе с тем, в нем еще сильны следы мифологии. Как и в мифе, в фольклорном творчестве продуцирование обобщенной наглядной образности вплетено в структуры повседневности, насыщено экспрессивно-эмоциональной составляющей, носит коллективный, игровой и бессознательный характер. Как и миф, фольклор импровизиационен, т.е. его образы творятся субъектом в актах их воспроизведения, и потому в принципе не могут иметь однозначной интерпретации. Все эти черты присущи и мистическому опыту.

В коллективных, художественно оформленных, эмоционально насыщенных обрядово-ритуализированных празднествах вновь и вновь воссоздавались мифологические переходы из профанного в сакральное, из чувственно данной в имагинарную потустороннюю реальность, и наоборот. Такие переходы воспринимались не столько как *познание* сакрального, сколько как его чувственно-эмоциональное *переживание*, которое осознавалось как *присутствие* в сакральном, *воздействие* на него, «обретение», «освоение» сакрального мира. В них сакральное осознается как часть бытия, которая может и должна быть «обретена» человеком. (Наиболее известным примером являются орфические, элевсинские, дионисийские и др. мистерии в древнегреческой культуре, первые сведения о которых относятся к 8–7 вв. до н.э.). Так в ходе жанровой дифференциации фольклора первобытная мифология трансформировалась в собственно мистический опыт, являющийся основой духовной традиции мистицизма.

Заключение

Таким образом, мистический опыт оказывается «превращенной» формой фольклорного творчества, возникшей на границе фольклора с религиозным сознанием. Как и фольклор, мистический опыт принципиально ограничен рамками обыденного сознания, которое нередко злоупотребляет претензиями на самоочевидность, «сползает» в догматизм, посредственность и рутину в областях, где требуется развитое научно-теоретическое мышление. Поэтому попытки представить мистический опыт как особую форму сверхпознания, стоящую над наукой и позволяющую интуитивно постигать глубины бытия, лишены гносеологических и культурно-исторических оснований.

Литература

- Андерхилл Э.* Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека. Киев. Изд. София. 2000.
- Гурджиев Г.И.* Взгляды из реального мира. Записи бесед и лекций Гурджиева (www.koob.ru).
- Гроф С.* Области человеческого бессознательного: опыт исследований с помощью ЛСД. Москва: МТМ, 1994. 240 с.
- Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. Москва: Наука. 1993; 432 с.
- Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. Пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. Москва: ОГИ, 2003. 296 с.
- Кастанеда К.* Сочинения в пяти томах. Том 1. Книги 1-2. Учение Дона Хуана: Путь знания индейцев яки. Отдельная реальность. Москва: Изд. София. 2021. 544 с.

Леви-Строс К. Неприрученная мысль // К. Леви-Строс. Первобытное мышление. Москва: Республика, 1994. С. 111–336.

Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. Москва: Эдиториал УРСС, 2001; 256 с.

Малиновский Б. Магия, наука и религия // Малиновский Б. Магия, наука и религия. Пер. А.П. Хомик. Москва: Изд. «Рефл-Бук». 1998а. С. 19–91.

Найдыш В.М. Мифотворчество в деятельности сознания // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 26–34.

Найдыш В.М. Миф и мышление // Миф в истории, политике, культуре. Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь). Севастополь 2019. С. 233–237.

Найдыш В.М. и др. Цивилизация и рациональность. Очерки по философии мифологии. М. Русайнс, 2020. 284 с.

Рерих Е., Рерих Н. Агни-Йога. Париж. 1929. 600 с.

Смит Х. Имеют ли психоделики религиозное значение? // Пути за пределы «эго» – трансперсональная перспектива / Пер. с англ. М. Папуша, Е. Поле и К. Андреевой. Москва: Открытый мир, 2006. 391 с.

Соловьев Вл. Кризис западной философии // В.С. Соловьев. Соч.: В 2 т. Т. II. М., 1988. 892 с.

Стобер М. Компаративные исследования мистицизма // Философия религии: аналитические исследования. 2017. Т. 1. № 1. С. 46–87.

Страсман Р. ДМТ – молекула духа. Революционное медицинское исследование околосмертного и мистического опыта. Пер. с англ. В.П. Девяткиной. Санкт-Петербург: Весь, 2011. 260 с.

Хаксли О. Двери восприятия. Рай и Ад. Москва: AST Publishers, 2016. 768 с.

Blavatsky H. P. The Secret Doctrine, the Synthesis of Science, Religion and Philosophy. V.1-2. 1888.

Bucke R. M. Cosmic Consciousness: A Study in the Evolution of the Human Mind, New Hyde Park, N.Y. University Books 1961 [1901] 448 с.

Hendel M. The Rosicrucian Cosmo-Conception or Mystic Christianity, 1909. 220 с.

Haugwits Cb. A.H. K von. Hirten-brief. Leipzig, 1785. 199 с.

Katz S.T. Language, Epistemology, and Mysticism // Mysticism and Philosophical Analysis / Ed. by S.T. Katz. N.Y. Oxford University Press. 1978. P. 22–74.

Kirchweger A.J. Aurea Catens Homeri. Frankfurt; Leipzig, 1723. 404s.

Pasqualy M. de. Traité de la Reintegration des Etres. P. 1899. 398 с.

Penner H.H. The Mystical Illusion // Mysticism and Religious Traditions / Ed. by S.T. Katz. New York: Oxford University Press, 1983. P. 89–116.

Pordage J. Gottiche und wahre Metaphysica oder Wunderbare. В 1-3. Frankfurt; Leipzig, 1715.

Saint-Martin L.Cl. de. Des erreurs et de la vérité. A. Edinburg Publ., 1775. 546 с.

Stace W.T. Mysticism and Philosophy. L. Macmillan & Co Ltd. 1961. 349 p.

Steiner R. Philosophie, Cosmologie und Religion in der Anthroposophie, 1922. 68 p.

Swedenborg E. The Works of Emanuel Swedenborg. 32 vols. Boston; N.Y. [N.d.].

References

- Underhill E.* Mysticism. A Study in the Nature and Development of Man's Spiritual Consciousness. N.Y.: The Noonday Press, 1955; 1st ed. 1910.
- Gurdjieff G.I.* Views from the Real World. Recordings of Gurdjieff's Talks and Lectures (www. koob.ru).
- Grof S. Realms of the Human Unconscious. N.Y. The Viking Press. 1976.
- William J.* The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature. Being the Gifford Lectures on Natural Religion Delivered at Edinburgh in 1901–1902. N. Y. Longmans, Green and Co. 1902.
- Caillois Roger* Le Mythe et l'Homme. L'Homme et le Sacré. Editions Gallimard 1950.
- Castaneda Carlos.* Essays in five volumes. Volume 1. Books 1-2. The Teachings of Don Juan, A Yaqui Way of Knowledge]. Moscow: Sofia.Publ. 2021. (In Russian).
- Levi-Strauss K.* Untamed thought // K. Levi-Strauss. Primitive thinking. M., Republic, 1994. Pp. 111–336. (In Russian).
- Lectorsky V.A.* Epistemology classical and non-classical. M., Editorial URSS, 2001. (In Russian).
- Malinovsky B.* Magic, Science and Religion // Malinovsky B. Magic, Science and religion]. Per. A.P. Khomik. Moscow: Refl-Book Publ.1998a. Pp.19–91. (In Russian).
- Naidysh V.M.* “Mythmaking in the Activities of Consciousness”/ In: *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2017), Pp. 26–34. (In Russian).
- Naidysh V.M.* Myth and Thinking // Myth in History, Politics, Culture. Collection of materials of the III International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2019, Sevastopol). Sevastopol 2019. Pp. 233–237. (In Russian).
- Naidysh V.M., Naidysh O.V.* Civilization and Rationality. Essays on the Philosophy of Mythology. Moscow: Ruscience Publ. 2020.
- Roerich E., Roerich N.* Agni Yoga. Paris. 1929. (In Russian).
- Smith H.* Do drugs have religious significance? // Paths Beyond Ego: The Transpersonal Vision] Ed. Frances Vaughan, Roger Walsh// Penguin Publishing Group. 1993.
- Solovyov Vl.* The Crisis of Western Philosophy//] *V.S. Solovyov.* Soch.: In 2 vols. Vol. II. Moscow, 1988. (In Russian).
- Stoebe M.* The Comparative Study of Mysticism // Philosophy of Religion: Analytic Researches], 2017, vol. 1, no. 1, Pp. 46–87.
- Strassman R.* DMT. The Spirit Molecule. Revolutionary Research in the Biology of Near-Death and Mystical Experiences]. Park Street Press.2001.
- Haxley A.* Heaven and Hell. L. Harper &Brothers. 1956.
- Blavatsky H.P.* The Secret Doctrine, the Synthesis of Science, Religion and Philosophy. V.1-2. 1888.
- Bucke R. M.* Cosmic Consciousness: A Study in the Evolution of the Human Mind, New Hyde Park, N.Y. University Books 1961 [1901].
- Hendel M.* The Rosicrucian Cosmo-Conception or Mystic Christianity,1909.
- Haugwits Cb. A.H. K von.* Hirten-brief. Leipzig, 1785.
- Katz S.T.* Language, Epistemology, and Mysticism // Mysticism and Philosophical Analysis / Ed. by S.T. Katz. N.Y. Oxford University Press. 1978. P. 22–74.
- Kirchweger A.J.* Aurea Catens Homeri. Frankfurt; Leipzig, 1723.
- Pasqualy M. de.* Traité de la Reintegration des Etres. P. 1899.

Penner H.H. The Mystical Illusion // *Mysticism and Religious Traditions* / Ed. by S.T. Katz. New York: Oxford University Press, 1983. Pp. 89–116.

Pordage J. Gottiche und wahre Metaphysica oder Wunderbare. В 1-3. Frankfurt; Leipzig, 1715.

Saint-Martin L.Cl. de. Des Erreurs er de la Vérité. A. Edinburg Publ., 1775.

Stace W.T. *Mysticism and Philosophy*. L. Macmillan & Co Ltd.1961.

Steiner R. Philosophie, Kosmologie und Religion in der Anthroposophie, 1922.

Swedenborg E. The Works of Emanuel Swedenborg. 32 vols. Boston; N.Y. [N.d.]

Сведения об авторе:

Найдыш Вячеслав Михайлович

профессор кафедры онтологии и теории познания ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия).

E-mail: v.naidysh@bk.ru

Bionotes:

Naidysh Vyacheslav Mikhailovich

Professor, Department of Ontology and Epistemology, Peoples Friendship University of Russia, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia).

Для цитирования:

Найдыш В.М. «Мистический опыт» и фольклорное творчество // *Мифологос*. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1(5). 2023. С. 84–93.

For citation:

Naidysh V.M. "Mystical experience" and folkloric creativity // *Mythologos*. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1(5). 2023. Pp. 84–93.